Текст · 18 июня 2020, 09:44
Дмитрий Швец,

«Мастер заболел, а потом вся бригада». Заключенный из Петербурга рассказывает о жизни в колонии во время пандемии

Недавно освободившийся из ИК-5 в Петербурге заключенный опасается, что там может быть вспышка коронавируса — по его словам, около 40 заключенных, контактировавших с заболевшим мастером, оказались в медсанчасти с симптомами ОРВИ, но на *COVID-19* их не тестируют. Он рассказал «Медиазоне» об изменившихся порядках в колонии: передачи запрещены, но приближенным заключенным их носят сотрудники, маски для осужденных тоже под запретом, а работники ФСИН их надевают только во время проверок.

Об исправительной колонии №5 в Петербурге многие впервые услышали после публикации на ютубе одного из выпусков шоу «Вписка». Обычно авторы «Вписки» записывают интервью с рэперами у них дома, но на встречу с *Yung Trappa* отправились в колонию — исполнитель отбывает там наказание за покушение на сбыт наркотиков.

Официальной информации о случаях *COVID-19* в этой колонии нет. В дежурной части колонии «Медиазоне» сказали, что коронавируса здесь не выявлено, но о том, проводилось ли вообще тестирование заключенных, у сотрудника«нет информации».

Член Общественной наблюдательной комиссии Петербурга Анастасия Некозакова рассказывает, что еще в апреле, получив данные о вспышке заболевания в одном из СИЗО, обратилась с этим вопросом ФСИН — но получила лишь общий ответ о том, что во всех учреждениях ведомства предпринимаются все необходимые меры для предотвращения эпидемии.

Один из недавно освободившихся из ИК-5 заключенных, попросив не указывать его имени, рассказал «Медиазоне», как с началом пандемии изменилась жизнь в колонии.

«В начале июня было около сорока осужденных с симптомами ОРВИ»

Март и апрель были самыми напряженными. Тогда на все бригады, где работают осужденные, распечатали такие типа графики для отметки дезинфекции и проветривания помещений, но на деле этого никто не выполнял. Все понимали, что зараза может прийти и просто от сотрудников, к тому же в колонии работают-[1] вольные мастера.

Никакие средства индивидуальной защиты не выдаются, маску же типа запрещено носить в учреждениях, [потому что в ней] в лицо не узнать [заключенного], защитить себя от этой инфекции было почти невозможно. Перчатки тоже запрещены, кто нам будет выдавать? Есть швейный участок, где шьют маски для управы[2], на Захарьевскую, но и то это маски такие нестерильные, просто ткань с двумя ниточками.

Сами сотрудники поначалу маски носили, одну неделю, когда это только началось. А сейчас, короче,

маски надеваются только когда заходят проверяющие из ФСИН или прокуратуры, а в основном маски они не носят.

Информацию про коронавирус вещают по радиорубке. А так пофиг, все делается так, чтобы все происходило по правилам внутреннего распорядка, все равно, что там за пределами учреждения. На осужденных [всем] реально пофиг.

У нас начальник отряда ходил с симптомами одно время, а потом ко мне подошел другой сотрудник и сказал, что тот заболел, его не пустили в учреждение. А симптомы через сколько [времени могут проявиться]? Неделю-две в любом случае он мог ходить и распространять [инфекцию]. Вообще, надо было делать казарменный режим именно сотрудникам, как в Москве: им не надо было выходить за пределы учреждения и потом приходить на работу. Многие осужденные высказывали такое мнение, но после этого осужденные оказывались в штрафном изоляторе — сотрудники не готовы так работать.

Все осужденные волновались, что вольные мастера, которых всегда пускали на территорию — это самый большой риск заразиться. У нас есть медсанчасть, и там в начале июня было около сорока осужденных с симптомами ОРВИ, и все они работали в одной и той же бригаде. Их мастер, который арендовал производство, они там губки делают, заболел — говорят, коронавирус, а потом заболела вся бригада.

Никто [официально] не распространялся, что это ковид. Говорили, просто ОРВИ, но мы-то понимаем, что такое количество [внезапно заболевших] людей

после болезни мастера... мне не кажется, что это была ОРВИ, и бригадир этой медсанчасти мне сказал, что это не она.

Там заболели в основном молодые, ничего тяжелого нет, но, говорят, и тестов нет — всех просто закрывали на карантин в медсанчасти. Там на приемке сидит дневальный, который по спискам принятых докладывает бригадиру, а тот потом — уже сотрудникам, и вот этот контакт дневального с бригадиром мог привести к распространению инфекции.

В колонии есть сотрудничающие с администрацией активисты, начальники отрядов и бригад, их человек 30-50 на полторы тысячи. Я был бригадиром. Там никто никого не бьет, но надо исполнять, что говорят сотрудники. У бригадиров особенные условия, они отдельно живут, есть телевизор.

Такие бригадиры могут помогать остальным заключенным. Официально передачи запретили из-за вируса (15 июня прием передач возобновлен — МЗ), но есть определенный круг, я и еще там три человека, с которыми я семейничаю, у нас общая еда, мы вместе живем. И вот они могли перевести деньги моим родным, я связывался и они для них тоже что-то брали [в продуктовую передачу].

Активистам можно было получать передачки: выходит сотрудник за зону к шлюзу, забирает сумки и идет обратно передавать, это было неофициально.

Редактор: Егор Сковорода

1. Судя по сайту ФСИН, в колонии производят мебель и другие изделия из древесины и металла.

2. Управление ФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, расположенное на Захарьевской улице в Петербурге.